

В.М. Строгецкий

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ
ИСПОВЕДЬ

Путь сквозь тернии

2010 год

Мои предки по отцу – украинские крепостные крестьяне. Жили они на территории, которая прежде называлась Киевщиной. К сожалению, подлинная фамилия или прозвище их в памяти не сохранились. Строгоецкими они стали в результате вполне романтической истории, каких в крепостнической России и на Украине было немало. Некий польский помещик шляхтич Габриэль Строгоецкий взял к себе понравившуюся ему украинскую девушку. В результате сожителства с ней появились дети, которым этот шляхтич и дал свою фамилию. Сведения о моих родственниках восходят ко времени не ранее конца XIX века. Имя моего дедушки по отцу Гасон. Неизвестно, получил ли он это имя при рождении, или оно было дано ему позже в связи с его принадлежностью к церковной службе. Дедушка был диаконом приходской церкви.

Жила семья Гасона Строгоецкого в деревне Медвёдовка. Село и сейчас существует. Оно входит в Чигиринский район Черкасской области Украины. В семье было пятеро детей: трое сыновей и две дочери. Младший сын Михаил впоследствии и стал моим отцом. Он родился в 1913 году. Его детские годы пришлись на очень тяжёлый период: Первая мировая война, революция, гражданская война. Отец сумел окончить только 4 класса начальной школы. Продолжать образование он не смог, так как к этому времени семья лишилась отца. Причины ухода его из семьи остались неизвестны. Мой отец, окончив 4 класса школы, в конце 20-х гг. уехал из Медвёдовки в г. Черкассы, где и начал самостоятельную жизнь.

Он стал работать почтальоном. В Черкассах в 30-е гг. женился на моей маме Марии Герасимовне Терещенко. К сожалению, о предках по линии моей мамы ничего не известно. Ее отец, мой дедушка Терещенко Герасим Иванович, был квалифицированным рабочим, специалистом по котлам. Тогда таких специалистов называли котельщиками. Работал он на сахарных заводах, принадлежавших известному сахарозаводчику Терещенко. Фамилия эта достаточно распространена на Украине. В семье

Г.И. Терещенко было четверо детей: три дочери и сын. Моя мама была младшей из дочерей. Бабушка Евдокия не работала и была домохозяйкой. Дедушка Г.И. Терещенко имел дом в г. Ржищев. Это небольшой город, расположенный на берегу Днепра между Киевом и Черкассами. Дедушка работал на сахарных заводах и приезжал домой только в отпуск. Мама, окончив 7 классов, по истечении времени вместе с семьёй переехала в Черкассы, где её отец, т.е. мой дедушка, стал работать на машиностроительном заводе. На этот же завод устроилась и мама.

Я родился вскоре после того, как мои родители поженились, 5 августа 1940 года. Я только начал ходить, и в августе отец уехал на фронт. Уже второй месяц шла Великая Отечественная война. Город Черкассы находился в зоне военных действий. Вскоре в город вошли немецкие войска. Дедушка, бабушка, мама и я эвакуировались в Кировоградскую область. После освобождения Черкас в 1944 году мы возвратились в город. Мама и дедушка снова пошли работать на завод. В конце 1945 года после войны вернулся отец в звании капитана. Он стал работать начальником почтового отделения. В 1947 году умер дедушка Герасим Иванович. Отца повысили в должности и перевели его на работу в Черкасский почтамт. В 1948г. я пошел в первый класс средней школы.

Черкассы в то время были небольшим городом с населением около 60 тыс. чел. Преобладающим было русскоязычное население. Большинство школ были с русским языком обучения. Город, расположенный на берегу Днепра, весь утопал в садах. Его очень любил К. Паустовский. В юности летом он приезжал к своей бабушке. Впоследствии он очень тепло отзывался о Черкассах в своих мемуарах. Несмотря на то, что город был небольшим, он был очень опрятным, в нем, так же как и в Киеве, был свой Хрещатик, где всегда было многолюдно. В городе была хорошая библиотека и прекрасные библиотекари. Я учился в 8 классе, когда одна из сотрудниц библиотеки собрала ребят, которые часто навещали в

библиотеку и начала с нами заниматься. Она учила нас правильно читать книги и стихи. Объясняла, как правильно писать эссе, рефераты, доклады. Как собирать необходимый материал. Мой первый доклад, который я подготовил под ее руководством, был о возникновении Донецкого угольного бассейна. Благодаря этой женщине я уже к 10 классу знал, что обязательно буду историком.

Окончил я школу в 1958 году. Встал вопрос о военной службе. Мне было 18 лет. Кроме меня, в семье росли младшие дети: брат 1946 года рождения и сестра – 1952 года. Отец вернулся с фронта инвалидом войны второй группы. Меня вызвал военком, объяснил мне, что по закону я освобождаюсь от службы в армии, но, если отец хочет, чтобы я служил, то меня могут взять в армию. Но отец знал, что я хочу учиться в вузе и поэтому благословил меня на этот путь, правда, напомнив, что большой помощи оказать мне не сможет. Семья большая и жилось нам тогда не сладко. Окончил я школу на «хорошо» и «отлично» и в этом же 1958 году решил поступать в Киевский университет. К тому времени этот университет уже заканчивал мой двоюродный брат. Приехав в Киевский университет, походив, посмотрев, я решил забрать документы. Хотя я ещё многого не понимал, но почувствовал, что в Киевском университете много украинского, а я все-таки окончил русскую школу. Я забрал документы и вернулся домой, даже не сдав экзамены. Отец устроил меня на почту радиомонтером.

Я работал в бригаде, которая радиофицировала сёла Черкасской области. Мы летали на маленьких самолетах (кукурузниках) в разные районы области. Я подготавливал деревянные опоры, очищая их от коры, пропитывая их битумом, копал специальные двухъярусные ямы, устанавливал опоры, вкручивал изоляторы, натягивал провода, ставил радиоточки. Хозяева были очень довольны, нас вкусно угощали. Запомнилась мне яичница из многих яиц в большой сковороде с жареным

салом (шкварками) и жареной картошкой. Не обходилось и без чарки самогонки. Был уже конец лета. В садах созревали ягоды и фрукты. Но самое интересное, что в украинских деревнях тогда фруктовые и ягодные деревья (вишни, сливы, абрикосы) росли прямо на улицах и являлись общим достоянием. Правда, работа радиомонтера сопряжена также и с опасностью. Во-первых, приходилось залезать на столбы с помощью «когтей». Конечно, можно было свалиться и сломать себе если не шею, то конечности. Но гораздо большая опасность была в другом. Ведь радиосвязь тянули и там, где уже стояли опоры электропередачи. Поэтому нужно было залезать на столб, вкручивать изоляторы и натягивать радиопровода под электропроводами на расстоянии от них в 1,5 м. Но, залезая на столб, можно, не рассчитав и не заметив, упереться головой в электропровода с высоким напряжением. И однажды со мной чуть такая беда не случилась. Поэтому отец и соседка по дому, которая работала на местной электростанции, помогли мне устроиться на электростанцию на колесах, т.е. на энергопоезд.

Здесь я стал осваивать специальность помощника турбиниста, обслуживавшего градирни, т.е. большие резервуары воды. В градирни (их было 5) вода поступала с турбины, охлаждалась и снова подавалась в котлы. Задача моя заключалась в том, чтобы постоянно поддерживать одинаковый уровень воды в градирнях. В противном случае турбину автоматически выбивало, и возникала аварийная ситуация. Работали на энергопоезде главным образом бывшие моряки. Их разговоры и шутки были интересными и запоминающимися. Так, они могли ради шутки послать в котельный цех принести ведро вакуума. Были и старые рабочие, которые умели в нужное время сказать нужные слова. Запомнился мне один мастер по фамилии Чернов, и слова его у меня сохранились в памяти на всю жизнь. Однажды во время ремонта начальник турбинного цеха послал меня красить крышу градирни. Работа мне не очень нравилась. Я

спустился с крыши и сказал, что не хочу делать эту работу, Чернов заметил, что если начальник поручил выполнять работу, ее нужно закончить, и только после этого сказать, чтобы в следующий раз такую работу не поручал. Но работая радиомонтёром, помощником турбиниста, я не оставил своего желания поступить на исторический факультет Ленинградского университета.

В свободное от работы время я сидел в библиотеке и готовился к экзаменам, читал книги по отечественной истории. Подошло время, и я отправил документы в приемную комиссию ЛГУ.

Поехал я в Ленинград, не дождавшись вызова. Нужно сказать, что я сам тогда никуда далеко не ездил. Я плавал на колёсных пароходах с лопастями до Ржищева, где жила бабушка и мамина сестра в старом дедушкином доме с большим садом. Эти плавания всегда мне доставляли очень большое удовольствие. С мамой я ездил также в Западную Украину, в г. Рогатин, где жила старшая мамина сестра. Это было в 52-м. Поездка мне запомнилась тем, что тогда Рогатин казался прифронтовым городом. Я запомнил, что везде на улицах были солдаты с автоматами, оказалось, что в то время, когда мы приехали, была устроена облава на бандеровцев. Поэтому поездка в Ленинград для меня казалась особенно тревожной. Но оказалось, что тревога была не беспричинной.

Конечно, университет я нашел, но не сразу. Впоследствии я всегда с улыбкой вспоминал свой первый приезд в Ленинград и никак не мог понять, как это я умудрился не сразу найти Ленинградский университет. Но причина тревоги обнаружилась. Когда я пришёл в приемную комиссию, оказалось, что я приехал в Ленинград зря, так как мои документы отправили назад в Черкассы, потому что на исторический факультет принимали тогда абитуриентов, у которых было 2 года рабочего стажа после школы. Правда, время ещё в запасе было и мне посоветовали срочно сообщить родителям, чтобы документы выслали мне в Ленинград.

Я мог их сдать в приемную комиссию того факультета, где не требовался двухгодичный стаж. Это были филологический или восточный факультеты. Я решил подать документы на филологический факультет, да не куда-нибудь, а на английское отделение. Естественно, мое знание английского языка после окончания обыкновенной провинциальной средней школы было не выше удовлетворительной оценки, которую я и получил на вступительном экзамене. Конкурс я не прошёл.

Пришлось мне, несолоно хлебавши, возвращаться в Черкассы и устраиваться снова на свой энергопоезд. Здесь меня ожидала удача. При всех моих недостатках начальство запомнило меня как серьезного парнишку. Меня решили поставить на более высокую должность: машиниста-турбиниста водоподготовки. Я «управлял» небольшой турбиной, которая перегоняла воду из градирни в котлы. Правда, здесь уже нужно было выполнять более сложные операции, чтобы не доводить до аварийной остановки большую турбину. Не сразу все получилось, и сменный инженер, который мне показывал, что нужно делать, в конце концов, высказал в мой адрес нецензурные слова. Но самое интересное, что после этих слов я стал выполнять все операции так, как будто в этом качестве проработал не один год.

Вместе с тем мое желание поступить на истфак ЛГУ ещё более окрепло. Снова в свободное время я стал готовиться к вступительным экзаменам. Двухгодичный стаж уже у меня был в кармане. Никаких неожиданных преград быть не могло.

Всё зависело от моей подготовки к экзаменам. Тогда сдавали 4 экзамена: отечественную историю, русский язык, русскую литературу и иностранный. Я успешно выдержал конкурс и был принят на исторический факультет. Но впереди меня ожидало ещё одно затруднение. Дело в том, что ни в школе, ни после нее я как-то не задумывался о том, какая область истории мне ближе. Меня интересовала история вообще. И вот, будучи

зачислен на истфак, я прочитал в объявлении, что 25 августа 1960 года все студенты, зачисленные на первый курс исторического факультета, должны явиться в самую большую аудиторию на истфаке, которую сейчас переоборудовали в лекционный зал в стиле амфитеатра. Когда мы вошли в аудиторию, то увидели, что она заполнена преподавателями, сидящими за столами и представляющими все кафедры, которые были на истфаке. Задача заключалась в том, что каждый из нас (а нас поступило 100 человек) должен выбрать ту кафедру, которая с 1-го по 5-й курс должна стать alma mater на всю жизнь. Я да, наверное, и многие такие же, как я, были в затруднении.

И вот, задумываясь и всматриваясь в лица преподавателей, я вдруг увидел того человека, который принимал у меня вступительный экзамен по истории. Это был Н.Н. Залесский. Полный решимости я подошел к его столу и сказал, что хочу учиться на той кафедре, на которой работает он. Естественно, он меня спросил, почему я выбрал его кафедру. Я ему как на духу сказал всю правду. Он меня записал, напомнив, что на кафедре истории Древней Греции и Древнего Рима учиться будет труднее, чем на других кафедрах, так как успешно заниматься античной историей, можно только изучив латинский и древнегреческий, а так же современные европейские языки. Можно сказать, я с успехом выдержал и второе испытание. Записалось на эту кафедру 5 человек, но к третьему курсу нас осталось всего двое.

Определив для себя кафедру, мы все должны были получить у секретаря комсомола путевки и ехать на север Ленинградской области, оказывать в течение нескольких недель партийным и комсомольским властям помощь. Мы, группа ребят и девчонок занимались расчисткой стройплощадки, где рабочие строили среднюю школу. Эта поездка, пусть и не очень нужная, сплотила нас. Поэтому, когда мы вернулись на факультет

и приступили к занятиям, то совершенно не чувствовали себя одинокими «затравленными» первокурсниками.

Когда мы стали слушать лекции, наступил настоящий духовный пир. Читая книги по истории, готовясь к вступительным экзаменам, я встречал имена многих ученых, которых теперь я увидел воочию. Нам читали лекции В.В. Мавродин, К.М. Колобова, тот же В.В. Залесский, А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, М.А. Гуковский, Н.А. Корнатовский и многие др. Был 1960 год – расцвет хрущевской «оттепели». Многие преподаватели только недавно вернулись из сталинских лагерей. Они хотели с лихвой восполнить то время, которое у них отобрали сталинские палачи Ежов, Берия и их приспешники. У меня до сих пор хранятся записи лекций К.М. Колобовой, Н.А. Корнатовского, М.А. Гуковского.

Помня свою городскую библиотеку в Черкассах, в которой, мне казалось, было так много книг, я поразился богатством литературы, которую хранила и хранит научная библиотека ЛГУ. Привыкший к запаху книг и тишине читального зала, я после занятий пропадал в библиотеке. Благо она тогда работала до 10 часов вечера. Жили мы рядом с историческим факультетом и Пушкинским домом. Нужно было только перейти мост Строителей и дальше начиналась Мытнинская набережная, где и стояло наше общежитие. До 1917 года это была знаменитая на весь Питер Зоологическая гостиница. С общежития открывался прекрасный вид на Неву, на Зимний дворец, Дворцовый мост. Жизнь студенческая была великолепной и прекрасной. Но беда в том, что все, что прекрасно, часто недолговечно. Незаметно подошёл 4-й курс. Нужно было задумываться, как жить после окончания университета. Прежде всего, нужно было подумать о личной жизни.

В 1964 году я женился. Моей избранницей стала Светлана Яковлевна в девичестве Томашевская. Мы жили в одном городе, учились в разных школах. Познакомился я со Светой вскоре после окончания школы, но

учеба нас разлучила. Светлана Яковлевна училась в Курском фармацевтическом техникуме, а после окончания была направлена на работу в одну из аптек г. Павлово Горьковской области. Я иногда приезжал к ней в гости. Но мы, конечно, и не предполагали тогда, что будем жить и работать в Горьком (Нижнем Новгороде).

На 3-ем курсе меня заинтересовали Пелопоннес, дорийцы, Спарта и Коринф. Дипломная работа у меня была по истории Коринфа. Уже в конце 4-го курса я понял, что в аспирантуру не пойду. Ситуация оказалась сродни той, что была во время моей первой попытки поступить на истфак ЛГУ. Теперь по распоряжению Министерства образования в ЛГУ на историческом и философском факультетах оставалась только целевая аспирантура, т.е. в аспирантуру принимали только тех, у которых были направления из других вузов. У меня не было возможности получить такое направление. После окончания университета я должен был бы отправиться учительствовать по государственному распределению в Ленинградскую область. Но я, поступая в университет, не хотел быть учителем в школе. В результате переписки с вузами мне пришли два приглашения на работу в Хабаровский и Уссурийский пединституты. Я выбрал Уссурийск. После получения диплома я приехал в Павлово. Мы со Светой собрали наши небогатые пожитки, среди них больше всего оказалось книг, которые я собрал во время учёбы в Ленинграде. Побывав дома в Черкассах, попрощавшись с родными, мы из Москвы поездом отправились на Дальний Восток. Ехали мы тогда 8 суток. Поездка была утомительная, но увлекательная. Особенно запомнилось озеро Байкал, вдоль которого ехали около часа.

Уссурийск, как и Владивосток, действительно города «нашенские», но слишком далёкие для тех, кто родом не из Сибири или Дальнего Востока. Жители Дальнего Востока, когда уезжали в Москву, Ленинград или в Киев, говорили: «еду на Запад». Люди на Дальнем Востоке очень

приветливые добродушные. Там всегда не хватало и не хватает специалистов. Поэтому к приезжим они относятся с большим уважением. В этот год молодых специалистов приехало довольно много. Нас поселили в общежитии. Все семейные пары и те, кто без семьи, получили по комнате. Не обошлось и без курьезов. Первую ночь нам пришлось воевать с клопами. Но на следующий день, пока мы все были на работе, общежитие так продезинфицировали, что мы об этих маленьких кровопийцах больше не вспоминали.

Итак, мы стали работать в Уссурийске. Я был приписан к кафедре философии, так как в то время в Уссурийском пединституте исторического факультета не было, и я, работая на кафедре философии, читал и философию и историю. Кроме того, на факультете французского языка преподавал латинский язык. Света устроилась в аптеку. Когда мы зашли в первый же продовольственный магазин, то обнаружили, что начавшийся процесс развала СССР сюда еще не дошел. В то время, когда в Ленинграде уже в конце 60-х гг. начались перебои с продуктами, а такие деликатесы как крабы, тресковая печень, икра, рыба уже давно исчезли с магазинных полок, здесь этого богатства было полно в магазинах. И никаких очередей. Особенно я был поражен тем, как продавали красную икру. Она была в чанах, и продавец черпаком накладывал ее покупателям в их емкости столько, сколько они желали. Но распад государства осуществлялся, можно сказать, с космической скоростью. Не прошло и трех лет, как все это и здесь исчезло.

Как по всей стране, так и на Дальнем Востоке, студентов на месяц – полтора осенью отправляли собирать урожай. Я был назначен куратором студенческой группы (семинарская группа 25-30 чел.). С этой же группой меня и отправляли на сельхозработы. Здесь я тоже обнаружил такие особенности, которых не было, по крайней мере, в Ленинградской области, где я тоже работал на сборе картошки, будучи студентом. Во-первых, на

Дальнем Востоке в сельском хозяйстве преобладали колхозы, а не совхозы. Во-вторых, люди были более трудолюбивые. Прежде всего, несомненно, сказывалось влияние столыпинской аграрной реформы. В результате этой реформы большой процент крестьян из центральных губерний переселился в Сибирь и на Дальний Восток. Ехали сюда не лодыри, бездельники и пьяницы, а трудолюбивые крестьяне, которые хотели трудиться на своей земле. В 30-е годы, когда сюда выселяли так называемых «кулаков» и проводили так называемую политику «украинизации» Дальнего Востока, здесь тоже оказалось немало трудолюбивых крестьян, в том числе и украинских. Поэтому желание трудиться стало важной чертой ментальности жителей Дальнего Востока и сибиряков, потомков тех, кто до этого осваивал эти земли.

В том колхозе, где я был со студентами, собирали помидоры и картошку. Мы работали вместе с крестьянами-колхозниками. Кормили как на хорошем курорте. У нас всегда было мясо, молоко, сметана, творог и мед. Может быть, поэтому, вернувшись в институт, ребята и учились успешно.

По крайней мере, моя группа в ходе двух сессий получила самые лучшие результаты в вузе. Ребят наградили поездкой в Ленинград, а мне оплатили командировку как их руководителю. Воспользовавшись случаем, я попросил у руководства института направление в целевую аспирантуру в ЛГУ.

Приехав в Ленинград, устроил ребят в общежитие, а сам с радостным волнением отправился на родную кафедру. Меня встретили на кафедре, как родного человека. В отделе аспирантуры я договорился, что сдам кандидатский экзамен по специальности.

Итак, пока ребята мои гуляли по Ленинграду, я сдал главный кандидатский экзамен, и моим научным руководителем стала К.М. Колобова доктор исторических наук профессор заведующая кафедрой

истории Древней Греции и Древнего Рима. Но так случилось, что я оказался последним аспирантом К.М. Колобовой.

Вернувшись в Уссурийск, со студентами во Владивостокском университете сдал два других кандидатских экзамена (по философии и английскому языку).

И вот в сентябре 1967г. я снова вернулся на родную кафедру уже в качестве аспиранта. Тема диссертации определилась: «Внешняя политика Спарты в VI в. до н.э.». Я стал собирать материал и читать литературу, я снова окунулся в творческую ауру читальных залов ленинградских библиотек. Но теперь у меня появились и серьёзные семейные обязанности.

В январе 1967г. в Уссурийске у нас со Светой родилась дочь Оксана. Мне пришлось приложить максимум усилий к тому, чтобы временно прописать жену и найти для нас троих место жительства. Областное ленинградское аптекоуправление помогло нам. Жену прописали и дали ей работу в деревне Елизаветино Гатчинского района. Мы поселились в доме пенсионеров в небольшой комнатке. Дочку мы устроили в сельские ясли. Детей там было немного, и воспитатели были для них как матери или бабушки. Благодаря этому мы со Светой могли в Ленинграде иногда ходить в филармонию и в театры. Каждый день в течение недели рано утром я поездом уезжал в Ленинград, а часам к 11 вечера возвращался домой. На субботу и воскресенье я оставался дома, и мы вместе проводили выходные дни.

Жизнь казалось, наладилась, но трудности возникли с моим научным руководителем. К.М. Колобова серьёзно заболела. Конечно, без научного руководителя писать диссертацию труднее, но мне никто не отказывал в помощи. Это дало возможность познакомиться поближе с такими выдающимися учеными, как Э.Д. Фролов, Ю.В. Андреев, А.И. Доватур, А.И. Зайцев, Д.П. Каллистов, М.А. Дандамаев, и др.

Три года аспирантуры пролетели тоже быстро. Я собрал материал, прочитал много книг и статей. До сих пор у меня хранятся конспекты моих штудий. Подготовил текст диссертации, но до защиты диссертации было еще далеко.

Аспирантура у меня была целевая, и я должен был вернуться в Уссурийск.

Конечно, я мог бы и не возвращаться на Дальний Восток. Свете могли дать через некоторое время постоянную прописку. Я в Ленинграде мог бы найти работу даже на родной кафедре, но оставалась не решенной главная проблема – проблема жилья. Где жить? Снимать углы и тесные комнатки – это не выход. Денег же на нормальную квартиру, даже однокомнатную, у нас не было. Пришлось возвращаться в Уссурийск. Там мне дали должность старшего преподавателя и предоставили однокомнатную квартиру.

Я продолжал работать над диссертацией и даже послал первые несколько статей в центральный журнал Вестник Древней Истории (ВДИ).

В КПСС я не вступал, хотя мне и предлагали, главным образом по двум причинам.

Во-первых, занимаясь античной историей, читая сочинения античных философов и историков и анализируя то, что творилось в современной жизни, я ещё в студенческие годы понял, что государство, созданное Лениным, Сталиным и их приемниками, нежизнеспособно. Римская поговорка гласила: «То, что изначально неправильно, не поддается исправлению». Но я, как и другие, не мог даже вообразить, что распад государства, начавшийся в конце 60-х гг., завершится так быстро.

Вторая причина имела чисто личный характер. Я прекрасно понимал, что, если бы я стал членом КПСС, то меня ни за что бы ни отпустили с Дальнего Востока. Специалисты, как я говорил, всегда там нужны.

Поэтому, я естественно, подумывал о том, как вернуться в «Европу». Я опять стал вести переписку с вузами. Меня пригласили в Пермь, в Днепропетровск, но мне теперь хотелось устроиться на работу поближе к Москве и Ленинграду. Но случилось так, что я избрал город Горький. У меня был очень близкий друг еще с университетских времен В.М. Марченко, к сожалению, рано ушедший из жизни. Он сразу после окончания университета поступил в аспирантуру, потому что, будучи родом из Горького, он имел направление от политехнического института в целевую аспирантуру. Когда я поступил в аспирантуру, он ее уже заканчивал. Он уехал в Горький, поработал некоторое время в политехническом институте и затем перешел на историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета им. Н.А. Лобачевского (в это время деканом факультета стал Е.В. Кузнецов). Античную историю на кафедре всеобщей истории преподавал В.Г. Борухович. Он в свое время окончил истфак ЛГУ, кафедру истории Древней Греции и Древнего Рима и был учеником С.Я. Лурье. Он участник Великой отечественной войны, на фронте был танкистом.

В конце 60-х гг. он защитил докторскую диссертацию, был достаточно известным ученым. Заведующий кафедрой Всеобщей истории, где работали Е.В. Кузнецов и В.Г. Борухович, был доктор исторических наук профессор Н.П. Соколов, окончивший еще до 1917 г. Нежинский историко-филологический институт, в свое время являлся магистрантом у известного русского историка Н.И. Кареева. Человек он был очень образованный, знал древние и современные языки. Но, окончив Нижегородскую духовную семинарию, недолго любил евреев. Поэтому, когда встал вопрос о том, кого рекомендовать на заведование кафедрой, Н.П. Соколов выбрал Е.В. Кузнецова, хотя он еще тогда доктором наук не был. Борухович В.Г. не захотел работать под руководством Кузнецова и уехал в Саратов. Так в Горьковском университете появилась вакансия

преподавателя античной истории. В.М. Марченко мне об этом сообщил, и я принял участие в конкурсе на замещение должности ассистента.

Проработав год в качестве старшего преподавателя Уссурийского пединститута, я написал заявление на имя ректора об увольнении из института по собственному желанию. Я думал, будут какие-нибудь сложности, но ректор подписал мое заявление, сказав, что и сам собирается уехать в «Европу», т.е. в европейскую часть страны. Так я стал работать в ГГУ им. Н.И. Лобачевского с 1971г. Кафедра оказалась достаточно интересной по своему составу. Здесь были представители московской школы, например, М.С. Садовская, к сожалению, ныне покойная. Она была ученицей московского проф. Дьякова. Представителем еще петербургской школы можно считать Н.П.Соколова. Т.М. Червонная - выпускница кафедры средних веков ЛГУ, тоже ныне покойная. Были также выпускники историко-филологического факультета Горьковского госуниверситета - ученики проф. С.И. Архангельского и Н.П. Соколова: Е.В. Кузнецов, Е.Д. Воробьева, В.М. Меженин, В.С. Павлов и другие.

Я близко сошелся с Н.П. Соколовым и попросил его организовать семинар, подобный тем, которые были и в старой Петербургской школе и в то время, когда я учился на кафедре Истории Древней Греции и Древнего Рима. Речь идет о семинарах, в которых под руководством научного руководителя читали, переводили и комментировали произведения античных авторов. В 1971 – 1973 гг. у меня вышла целая серия статей в журнале «Вестник древней истории». К этому времени я уже полностью закончил свою кандидатскую диссертацию, и в 1973 г. успешно ее защитил в Совете Исторического факультета ЛГУ.

Работа на кафедре всеобщей истории ГГУ меня вдохновила. Со времени окончания ЛГУ в 1965 г. я впервые стал читать курсы по античной истории, вёл семинары и специальные курсы. Жизнь, казалось, должна была радовать, но мешали этому материальные условия. Главным

снова стал жилищный вопрос. Сразу, как только мы приехали в Горький, пришлось жить в съемной комнате, но потом Е.В. Кузнецов добился, чтобы мне выделили комнату в студенческом общежитии. В этом общежитии мы прожили с 1972 по 1978 гг. Только в 1977 г. я был включен в жилищно-строительный кооператив. И, наконец, в 1978 г. мы переехали в собственную трехкомнатную квартиру. Частично деньгами мне помог Н.П. Соколов, которому я успел вернуть долг.

Защитив кандидатскую диссертацию, я был в некоторой растерянности, чем мне заниматься дальше. Но помогли семинары, в которых я занимался на кафедре в Ленинграде под руководством профессора Э.Д. Фролова и в Горьком под руководством профессора Н.П. Соколова. Я понимал, чтобы заняться серьезной научной проблемой на уровне докторской диссертации, необходимо сначала найти хороший источник. В качестве такого источника я выбрал автора I в. до н.э. - I в. н.э. Диодора Сицилийского и его сочинение «Историческая библиотека». В сохранившихся книгах его «Библиотеки» содержался материал, параллельный тому, что сообщали Геродот, Фукидид и Ксенофонт. Но Диодор часто давал другую версию. Это, безусловно, представляло большой интерес, и я взялся за перевод с 11-й по 15-ю книги и составление к ним комментария.

После защиты кандидатской диссертации мое положение на кафедре изменилось. Уже в 1974 г. я стал старшим преподавателем. Затем встал вопрос о создании кафедры истории Древнего мира и Средних веков и кафедры Новой и Новейшей истории. Кафедру истории Древнего мира и Средних веков возглавила Е.Д. Воробьева, специалист по истории Средних веков, а кафедру Новой и Новейшей истории возглавил сначала приезжий профессор, Мерцалов. Но он недолго проработал и уехал, а кафедру стал возглавлять В.М. Марченко.

Дважды в жизни мне пришлось поступать вопреки совести. Первый раз в 1968 г., на втором курсе аспирантуры. В этом году в связи с демократическим движением в Чехословакии в эту страну были введены советские войска для защиты так называемого «социалистического» строя. Секретарь парторганизации исторического факультета ЛГУ М.Н. Кузьмин, безусловно, по требованию ленинградского «большого дома» т.е. обкома КПСС и областного КГБ собрал аспирантов истфака. Каждому индивидуально был задан провокационный вопрос: «Как вы относитесь к вводу советских войск в Чехословакию?». Я уже говорил, что у меня сложилось довольно негативное отношение к советской действительности. Эти мысли я мог высказывать в неофициальных разговорах, так сказать, «на кухне». Сталин и Берия давно уже сгнили в могилах. И 1937 г. уже канул в Лету.

Но одно дело – разговор «на кухне», другое – ответить конкретно представителю партийной власти на его провокационный вопрос. В это время как раз и стали появляться диссиденты. Еще ранее стали известными такие выдающиеся борцы против советского режима как Солженицын, Сахаров и другие. Но, конечно, диссидентов и борцов за гражданские права тогда было еще немного, а я к ним не принадлежал. Я не борец. Я понимал, что могло последовать, если бы сказал то, что думал на самом деле. Меня бы отчислили из аспирантуры и т.д. Поэтому мне пришлось вопреки совести соврать. Этот пример – лишнее доказательство того, каким образом советская тоталитарная система развращала людей, заставляла их на каждом шагу врать и хитрить.

Второй раз Е.В. Кузнецов, декан историко-филологического факультета ГГУ, поставил меня перед дилеммой: если я не вступлю в КПСС, то путь к заведыванию кафедрой мне будет закрыт. Конечно, откажись я вступить в КПСС, никакого наказания бы не последовало, но карьерный рост для меня бы закрылся. Я повторяю: я не диссидент и не

борец, поэтому вопреки совести принял это предложение. Так я вступил в КПСС, а с 1977 г., после того как Е.Д. Воробьева по болезни ушла с заведывания кафедрой, я возглавил кафедру истории Древнего мира и Средних веков.

Я впервые возглавил коллектив преподавателей и сотрудников. Хотя и небольшой, но люди там были разные, они формировались как преподаватели и ученые под влиянием разных научных школ и традиций. Поэтому необходимо было выработать правила руководства таким коллективом. Жизненный опыт, пусть и небольшой, подсказывал, что главные гуманистические принципы должны быть в следующем: не мешать, помогать и заботиться о преподавателях и сотрудниках кафедры. Большую помощь мне оказывала старший лаборант кафедры В.А. Новожилова, которая и сейчас успешно трудится в деканате исторического факультета ННГУ. Я установил дружественные отношения сотрудничества не только с ленинградской кафедрой истории Древней Греции и Древнего Рима, где я и так чувствовал себя родным, но и с кафедрой Древнего мира МГУ, где тогда кафедрой руководил профессор В.И. Кузицин. В ЛГУ кафедрой истории Древней Греции и Древнего Рима после смерти К.М. Колобовой стал руководить профессор Э.Д. Фролов. И В.И. Кузицина и Э.Д. Фролова я приглашал на историко-филологический факультет университета им. Н.А. Лобачевского читать лекции, выступать перед преподавателями, аспирантами и студентами.

С В.И. Кузициным я особенно близко познакомился на «Сергеевских чтениях», организатором которых он является. На эти «Чтения» обычно собираются антиковеды со всей страны. В.И.Кузицин, когда в ВАК рассматривалась моя докторская диссертация, оказал мне большую помощь. О.А. Колобов, ныне декан факультета международных отношений ННГУ, написал на меня кляузное письмо, в котором утверждал, что ВАК не должен присуждать мне докторскую степень,

потому что на момент защиты докторской диссертации у меня не было монографии. В.И. Кузищин, будучи одним из экспертов ВАК, защитил меня, отметив, что на момент защиты в ВДИ у меня было опубликовано столько статей и материалов, что хватило бы на две монографии, и высказал обо мне весьма лестное мнение как об учёном.

Итак, я, будучи воспитанником ленинградской школы, смог найти общий язык со всеми коллегами нашей кафедры. Со своими первыми студентами в Горьком я познакомился в 1971 г. на «картошке», то есть сельхозработах, куда посылали преподавателей и студентов местные партийные и государственные власти. Я узнал их во время лекций и семинаров. Поэтому, когда С.К. Сизов, В.А. Блонин, Г.В.Воронкова окончили университет, я принял участие в том, чтобы они остались на кафедре и поступили в аспирантуру. С.К. Сизова я рекомендовал в аспирантуру к Э.Д. Фролову в Ленинград. Благодаря моим стараниям окончила аспирантуру у Э.Д. Фролова и Н.А. Касаткина. Я предложил начать издавать кафедральный сборник «Из истории античного общества», первый выпуск которого вышел в 1975 г. Этот сборник и сейчас кафедра истории Древнего мира и Средних веков успешно издает.

Казалось, в моей жизни все стало складываться вполне благополучно. Я возглавил кафедру истории Древнего мира и Средних веков. Стал заниматься деятельностью, непосредственно связанной с моим образованием и квалификацией. Мое материальное благосостояние значительно улучшилось. В 1977 г. я стал доцентом. Жена работала в аптеке, где ее ценили и уважали как очень хорошего специалиста. Дочь училась в третьем классе школы № 13. В 1978 г. мы, наконец, переехали из студенческого общежития в нашу собственную трехкомнатную квартиру. Мои научные интересы тоже определились. Занимаясь переводом и комментарием книг Диодора Сицилийского его «Исторической библиотеки», я избрал важный период в истории Древней

Греции классического времени: так называемый период Пентеконтаэтии, т.е. пятидесятилетия между Греко-персидскими и Пелопонесской войнами (480-430 гг. до Р.Х.).

Меня интересовали межполисные отношения этого периода, особенно отношения Спарты и Афин и возникновение различных форм их имперской политики.

Этим я и стал серьезно заниматься. Появилось довольно много моих статей в ВДИ, в сборниках кафедры истории Древней Греции и Древнего Рима ЛГУ в изданиях Ассоциации антиковедов СССР, публикуемых Институтом Всеобщей истории, и в сборнике «Из истории античного общества». Поэтому я мог просить деканат факультета и ректорат университета перевести меня на должность старшего научного сотрудника для подготовки докторской диссертации. Но к концу 70-х гг. историко-филологический факультет ГГУ охватили кризисные явления. С одной стороны, они явились результатом той политики и тех принципов руководства коллективом, которых придерживался Е.В. Кузнецов. С другой – фактически отражали общий нравственный экономический и политический кризис в стране, который предвещал конец созданного Лениным и Сталиным изначально нежизнеспособного государства Советский Союз.

Е.В. Кузнецов, оставив кафедру Всеобщей истории, и возглавив кафедру Отечественной истории досоветского периода, т.е. до 1917 г., фактически заставил покинуть факультет перспективных ученых В.А. Китаева, В.Г. Оржеховского, а доцент В. Сперанский, не выдержав травли, умер. Кузнецов взял на работу своего ученика, окончившего заочно историко-филологический факультет, наделенного такими же чертами интриганства, как и его учитель, О.А. Колобова, человека энергичного, хитрого, сумевшего приблизиться к ректору университета Угодчикову и секретарю парткома ГГУ Головачеву. По моему мнению, Колобов был

связан и с областным КГБ, где в это время произошла смена руководства. Воспользовавшись своими связями, Колобов стал, прежде всего, выживать своего учителя. В это время факультет превратился, как его тогда называли, в «серпентариум» т. е. в «гадюшник». В этой ситуации, я, сравнивая, какое зло страшнее, принял сторону Е.В. Кузнецова. Используя грехи Кузнецова, Колобов с помощью ректора (Угодчикова), секретаря парткома (Головачева) и члена парткома философа (Мишина) вел дело к исключению Е.В. Кузнецова из партии. Я, в том числе В.М. Марченко и другие, старались защитить его. Я даже ходил в РК КПСС и убеждал не исключать его из рядов партии.

Подошел 1982 год. Я получил возможность перейти на должность старшего научного сотрудника, уехал в Ленинград и там стал заниматься подготовкой докторской диссертации. К 1985 году текст диссертации был готов. Когда вернулся в университет, то Колобов стал уже деканом, возглавил кафедру Новой и Новейшей истории, заставив В.М. Марченко покинуть факультет. Е.В. Кузнецов с партийным выговором ушел в Нижегородский пединститут, где возглавил кафедру Отечественной истории. Туда же ушли В.М. Марченко и В.М. Меженин. В.М. Марченко возглавил в пединституте кафедру Всеобщей истории. В.М. Меженин вскоре стал деканом исторического факультета пединститута.

Когда я вернулся после научной стажировки на кафедру, я понял, что под руководством Колобова работать не смогу. Если Кузнецов разрушал отечественную историю в ГГУ, то Колобов разрушал сам историко-филологический факультет и историю как науку в ГГУ. Он стал подменять её политологией и конъюнктурщиной. В этой ситуации я решил отказаться от заведования кафедрой. Я просил ректорат избрать заведующим кафедрой С.К. Сизова, который к этому времени окончил аспирантуру на кафедре у Э.Д. Фролова (г. Ленинград) и стал кандидатом исторических наук. Руководство с моим мнением не желало соглашаться.

После этого я также принял решение уйти в пединститут. Объяснил это своим коллегам тем, что не хотел бы, чтобы из-за меня страдали члены кафедры. Это явление было характерной чертой жизни в тоталитарной советской стране. Если руководитель становился неуютен руководству, то это сказывалось на всей кафедре и ее сотрудниках.

Я проработал в ГГУ им. Н.И. Лобачевского с 1971 г по 1987 г. При всех трудностях и перипетиях это были интересные годы. Я здесь вырос от ассистента до доцента. Работая на историко-филологическом факультете, я защитил две диссертации, кандидатскую и докторскую. У меня сложились твёрдые мировоззренческие и научные взгляды. Я был очень дружен с редакционно-издательским отделом ГГУ, научной библиотекой, где подолгу засиживался, так как библиотека со школьных лет для меня стала храмом наук. Хорошие отношения сложились с профессором И.Е. Куровым, проректором по учебной работе ГГУ.

Докторскую диссертацию я защитил на Историческом факультете ЛГУ. И в этом же году я ушел из ГГУ. Новый ректор профессор Хохлов моё заявление подписал без всякого разговора. Начался новый этап в моей жизни. Я пришел работать в пединститут, где ректором в это время как раз и стал И.Е. Куров. Но какова была моя радость, когда я узнал, что проректором по учебной работе пединститута был мой первый ректор Уссурийского пединститута В.Д. Виноградов, который принимал меня на работу в 1965г. Тогда он был кандидатом наук, теперь стал профессором, доктором филологических наук. Тогда я отнесся к этому интересному событию (я имею в виду встречу с В.Д. Виноградовым) чисто рационалистически, считая это просто случаем. Потом, думая о своей жизни, я обнаружил много таких случаев, и стал по-другому к ним относиться. Об этом я еще скажу ниже.

Перейдя в пединститут, я стал работать доцентом кафедры всеобщей истории под руководством В.М. Марченко. Деканом был В.М. Меженин. В

это время И.Е. Куров стал формировать команду, целью которой была разработка комплекта документов и программ, необходимых для перехода пединститута в статус педагогического университета. В эту команду вошли педагоги, психологи, преподаватели естественнонаучных и гуманитарных кафедр. В эту команду включили меня и В.М. Марченко. Работа предстояла весьма кропотливая, но интересная. В вузе было немало сопротивляющихся и сомневающихся. Но время показало, что проделанная нашей командой во главе с И.Е. Куровым работа себя оправдала. В 1991г. Нижегородский пединститут получил статус педагогического университета. Это событие совпало с августовским ГКЧП, а в действительности, коммунистическим путчем, который, слава Богу, не увенчался успехом. Была опасность кровопролития и гражданской войны. Возглавлял путч председатель КГБ Крючков. По-видимому, какая-то договоренность Ельцина с Крючковым была.

М.С. Горбачев, автор перестройки 1985 – 1990 гг., изолированный путчистами в Крыму, был затем освобождён. Путчистов арестовали, но через некоторое время всех выпустили без всякого наказания. После этого произошло переустройство КГБ, которое стало называться ФСБ. В.В. Путин, в советское время являвшийся подполковником КГБ, стал премьер-министром, а в 2000-м году Б.Н. Ельцин представил его стране как своего преемника. С этого времени стала усиливаться роль президента В.В. Путина и влияние ФСБ в России. Но изменения в стране, конечно, произошли весьма значительные. Статья в советской Конституции, формулировавшая руководящую роль КПСС, была ликвидирована. КПСС, прекратила свое существование в виде низовых партийных организаций, но на её основе возникла КПРФ во главе с обкомами во всех субъектах РФ. Коммунистическая идеология официально так и не была осуждена, а ленинско-сталинский террор не был признан властью как преступная политика государства против своего народа. Тем не менее, в различных

коллективах, в том числе и вузовских, и в частности, в педагогическом университете стали проходить собрания, на которых люди свободно высказывали свои мнения, многие демонстративно выходили из этой партии. Я тоже выступил на одном из таких собраний и высказал те мысли, к которым пришел на старших курсах Ленинградского, а с 1991 года Санкт-Петербургского университета. После этого выступления я сдал партбилет с чувством моральной удовлетворенности и очищенной совести.

Работа в составе команды во главе с И.Е. Куровым оказалась весьма интересной, поучительной и полезной для моей будущей деятельности, когда я стал работать в НГЛУ. Я узнал, что такое учебный план вуза, какова его структура, как он составляется. Не все было гладко на этом пути. Далеко не все преподаватели пединститута поддерживали идею превращения пединститута в университет. Их можно было понять. Они привыкли работать в обычном ритме и в тех традициях, которые сложились в пединституте со времени его основания. Мы же хотели сделать вуз соответствующим современным требованиям и условиям. Приходилось многих убеждать, выступать на различных собраниях и совещаниях, доказывая, как важно укреплять роль кафедры, превращения ее в *alma mater* для студентов, развивать научную и научно-педагогическую деятельность.

Будучи выпускником Ленинградского университета и специалистом в области античной истории и культуры, глубоко вникая в вопросы образования, я понял, сколь велика роль классического образования, которое сложилось в России во времена Александра I и получило свое дальнейшее развитие во время проведения Великих реформ Александром II. Благодаря этой системе образования в России в середине XIX в. сложился так называемый Золотой век русской культуры, а в конце XIX – начале XX вв. – Серебряный век. К началу XX века Россия превратилась в

одно из ведущих государств мира в области науки и культуры. Я еще больше стал понимать, какое преступление совершили большевики во главе с Лениным, уничтожив в 1921 г. систему классического образования, а в 1922 г. изгнав из страны или уничтожив ее интеллигенцию. Это и было действительно уничтожение исторической России. Уничтожив интеллигенцию, творцов науки и культуры, людей, действительно представлявших ум, совесть и честь страны, советская Россия, а затем и так называемый Советский Союз были обречены на гибель, что и произошло в 1991 г.

Я стал заниматься проблемами классического образования как раз в то время, когда в 1987–1990 гг. менялась система образования в стране. Наметился отказ от единой общеобразовательной политехнической школы, которая начала складываться с конца 50-х гг. при Хрущеве. Возникло многообразие форм образования и образовательных учреждений. Появились гимназии, лицеи, которые и должны были стать главными звеньями в системе образования. Важную роль в этом направлении тогда сыграл известный педагог и ученый, ставший министром образования профессор Днепров. Он мог бы принести системе среднего образования в стране немало пользы, если бы процесс развития классического образования продолжился. Однако с уходом Днепровы система среднего образования вновь стала возвращаться к единой общеобразовательной школе. Только одни школы стали называться гимназиями и лицеями (хотя с подлинными гимназиями и лицеями исторической России они не имели ничего общего), другие же учебные заведения остались просто школами.

Главная причина, почему система классического образования до конца не возродилась в России, заключается в том, что в 1991 и последующие годы правовые, социально-экономические и политические основы и принципы советской власти так и не были преодолены. И мы сейчас как в средней, так и высшей школе пожинаем плоды всех этих

негативных процессов. Но сегодня это ясно как день, а тогда, в конце 80 – начале 90-х годов, у людей были надежда, стремление, энтузиазм, вера в идеалы. Я с головой окунулся в просветительскую деятельность: ходил в школы, убеждал директоров, завучей, учителей в необходимости внедрять лучшие образцы классического образования, публиковал статьи на эту тему в газетах, журналах.

В это время в городе по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая возродилась Нижегородская духовная семинария, существовавшая в Н. Новгороде с XVIII века. Одним из первых ректоров ее был епископ Дамаскин (Семенов-Руднев). Он окончил Геттингенский университет. Тогда, в XVIII в. этот университет был одним из ведущих в Европе, где утверждалась система классического образования. Семенов-Руднев, став ректором семинарии, развивал в ней принципы этого образования. Семинария просуществовала до установления в 1917 г. диктатуры большевиков и утверждения в стране господства воинствующего атеизма. И только в 1993 году она вновь была открыта. Ректором семинарии стал бывший в то время настоятелем Благовещенского монастыря Игумен Кирилл (Покровский). В ней, естественно, преподавались церковно-славянский, греческий, латинский, русский и иностранные языки, составляющие основной элемент классического образования. Сегодня ректором Нижегородской духовной семинарии является Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий. По его благословению коллектив преподавателей семинарии во главе с проректором доцентом протоиереем Александром Мякиным продолжает и умножает традиции классического образования, заложенные ректором Архиепископом Дамаскиным и его последователями. Церковно-славянский язык стала преподавать в гимназии доктор филологических наук профессор истории русского языка НГГУ Л.П. Клименко. Она и

предложила отцу Кириллу пригласить меня работать в Нижегородскую духовную семинарию.

И это чудесное явление заставило меня задуматься, ибо во время учебы в ЛГУ после экзаменов в период летней сессии я любил, пройдясь пешком по всему Невскому и Староневскому проспекту, гулять в Александро-Невской Лавре, часто заходил в храм, стоял и смотрел, как священники совершают богослужения, слушал проповеди. Верующим тогда я не был, я знал из литературных источников о семинариях и семинаристах и мне хотелось зайти в семинарию посмотреть, как там учатся семинаристы. Но дежурный меня туда не пускал. И вот теперь, по истечении многих лет, меня пригласили работать в семинарию! Я стал преподавать в семинарии древнегреческий язык. Конечно, это и привело меня к мысли, что путь в духовную семинарию был предначертан Божественным Провидением.

В Нижегородском пединституте мои идеи возрождения классической системы образования разделяли далеко не все. Дух вульгарного рационализма, реализма и атеизма, пропитанный догматической марксистско-ленинской идеологией, еще был господствующим в обществе. Не стали моими сторонниками и Е.В. Кузнецов и В.М. Меженин. Горьковский, а с 1991года, Нижегородский пединститут получил статус университета. Команда во главе с И.Е. Куровым была настроена возродить классическую гуманитарную систему в созданном университете. Она предполагала объединение исторического и филологического факультетов в единый историко-филологический департамент. Я был избран руководителем этого департамента. В это же время возникла кафедра теории культуры, которую возглавил В.М. Марченко, а я, будучи руководителем историко-филологического департамента НГПУ, стал заведовать также кафедрой Всеобщей истории.

В составе департамента возник ряд направлений и специализаций, которые студенты выбирали, начиная со второго курса. Одно из таких направлений, предполагающее объединить интересующихся студентов, как историков, так и филологов, и называлось «Древние языки, античная история и культура». О жизнеспособности этих идей говорит и тот факт, что и в настоящее время это направление сохраняется при кафедре Всеобщей истории.

Итак, началась кропотливая и серьезная работа по возрождению в системе историко-филологического департамента классического образования. Соппротивление, конечно, продолжалось. Многие хотели возвращения к традиционной структуре исторического и филологического факультетов, сложившейся в советский период.

В это время у меня окончательно разладились отношения с Е.В. Кузнецовым. Причины были не только в том, что он был противником создания историко-филологического департамента. Я отказался сотрудничать с ним и в научной сфере, так как считал его идеи квазинаучными. Е.В. Кузнецов предлагал мне заняться переводом греческих памятников, в которых речь шла о славянах и народах Поволжья. Кузнецов занимался в это время пропагандой национально-патриотических идей, и его интересовали проблемы славистики и взаимоотношения славян с народами Поволжья. Я считал и считаю, что эти проблемы во многом были решены уже в XIX веке, и материалы лингвистики едва ли могут открыть что-то новое. Кроме того, я был и остаюсь противником национально – патриотических принципов и лозунгов. У меня сложились твердые либерально-демократические убеждения, но, конечно, не квазидемократические взгляды сторонников Жириновского. Я поддерживаю многие идеи, отражённые в общественно – политическом журнале «Посев».

В 1992 г. умер мой близкий друг, с которым мы дружили, начиная со второго курса ЛГУ, В.М. Марченко. Его смерть для меня была тяжелым ударом. За год до этого я был утвержден ВАК в должности профессора. Мы с В.М. Марченко планировали выпустить ряд работ в серии «Человек и общество». Две первых части мы подготовили. Свой материал он успел написать, но книги были опубликованы только через два года после его смерти.

Главным противником тех преобразований, которые, были осуществлены в НГПУ при И.Е. Курове, был первый проректор НГПУ В.К. Глуздов. В 1993 г. его разногласия с И.Е. Куровым были уже весьма очевидны. И в это время И.Е. Куров начал болеть. Болезнь его оказалась тяжелой и неизлечимой. После смерти И.Е. Курова Глуздов стал исполнять должность ректора. Он отказался от многих начинаний, которые были осуществлены командой под руководством И.Е. Курова. Несколько представителей из этой команды, в том числе и я, решили обратиться в министерство, доказывая, что позиция, занятая Глуздовым, не конструктивна и поэтому его нельзя выдвигать на должность ректора. Однако у Глуздова нашлись верные помощники. Они позаботились, чтобы письмо, отправленное нами в министерство, вернулось к нему же. Он созвал собрание коллектива преподавателей университета, огласил наше письмо, надеясь, что мы покаемся, но мы избрали тактику не обороны, а наступления. Все мы выступили на собрании, доказывая правильность наших действий и поступков. Я откровенно сказал, что не могу признать его ректором по многим причинам, в том числе и потому, что ректором педагогического университета должен быть человек с чистыми руками. У Глуздова, как и у Сталина, одна рука была короче, и в силу каких-то причин на пальцах этой руки были татуировки. Естественно, после этого я уже не мог оставаться в университете, тем более, что и другие представители нашей команды покинули НГПУ.

Я попрощался со своей кафедрой, которую возглавлял с 1992 г. и в составе которой начал работать с 1987 г. На кафедре Всеобщей истории оставались мои ученики. А.В. Хазина, под моим руководством защитившая диссертацию и являющаяся сейчас заведующей кафедрой Всеобщей истории НГПУ, готовит к защите докторскую диссертацию, Г.В. Воронкова-доцент этой кафедры. Она в свое время тоже ушла из ННГУ. Л.В. Софронова кандидат исторических наук, доцент сейчас готовит докторскую диссертацию. С.А. Доманина, доцент, кандидат исторических наук, которая писала кандидатскую диссертацию у М.С. Садовской на кафедре истории Древнего мира и средних веков, но завершала диссертацию и защитилась под моим руководством. И теперь я, как в свое время, уходя из Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, сказал членам кафедры, что не хочу и не могу подвергать их всяким трудностям, которые они будут испытывать со стороны ректората из-за моих разногласий с руководством вуза.

Я пришел на прием к ректору Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова Г.П. Рябову, рассказал о себе и о своей деятельности в ННГУ и в НГПУ. Оказалось, что многое он уже знал. Геннадий Петрович взял меня на работу. Это было в 1995 году. Сначала я работал профессором на кафедре латинского языка и античной культуры, а с 1997 года стал возглавлять кафедру теории культуры, возникшую еще в 1994 году. Г.П. Рябов знал, понимал и в большинстве случаев поддерживал мои идеи по развитию и укреплению классического образования в университете. По крайней мере, по моей инициативе возникла в НГЛУ кафедра культурологии, истории и древних языков. У нас преподается годовой курс латинского языка для всех лингвистических специальностей, а также нелингвистических специальностей (экономика и право) для студентов, занимающихся по программе Российско-французского университета. Эта программа, согласно которой студенты получают

подготовку в ННГУ по специальным предметам экономики и права, а у нас в НГЛУ по иностранным языкам и латыни, функционирует на переводческом факультете.

Преподавание латинского языка и античной культуры было поставлено на хороший научно-методический уровень кандидатом филологических наук доцентом В.К. Кочетковой, в настоящее время уже ушедшей на заслуженный отдых. Её традиции продолжают и развивают на нашей кафедре доцент Е.В. Соболева и доцент кандидат исторических наук А.М. Брагова, а также аспирантка кафедры Н.В. Костенюк. Кафедра наша обеспечивает преподавание общеобразовательных дисциплин культурологи и истории на всех факультетах университета, в том числе на заочном и вечернем отделениях. Преподают эти дисциплины учёные высшей квалификации доктор исторических наук профессор О.Н. Сенюткина, доктор искусствоведения профессор А.Н. Донин, доцент кандидат философских наук О.К. Шиманская, доцент кандидат исторических наук М.П. Самойлова, доцент кандидат философских наук Д.А. Скопин, доцент кандидат исторических наук Б.А. Ночвина.

За время работы в качестве заведующего кафедрой культурологии, истории и древних языков под моим руководством защитили кандидатские диссертации А.М. Брагова и М.П. Самойлова. Сегодня они являются доцентами кафедры. Когда я возглавил кафедру, докторов наук не было вообще. Я убеждал членов кафедры, прежде всего доцентов среднего возраста, писать статьи и собирать материал, чтобы можно было получить должность старшего научного сотрудника для подготовки докторских диссертаций, доказывал, как важно и для кафедры и для университета иметь высококвалифицированных специалистов – докторов наук. Мне удалось добиться выделения 5 ставок старших научных сотрудников для О.Н. Сенюткиной, А.Н. Дониной, Е.В. Курбаковой, Г.Л. Гуменной и О.К. Шиманской. Первые три сотрудника уже защитились, двое из них О.Н.

Сенюткина и А.Н. Донин утверждены в ученой степени доктора наук, а Е.В. Курбакова защитилась в январе 2010 года.

Итак, на кафедре у нас сейчас четыре штатных доктора наук вместе со мной. О.К. Шиманская и Г.Л. Гуменная ждут необходимых 7 работ в журналах, курируемых ВАК. Правда, Г.Л. Гуменная вместе с филологами ушла на кафедру русской литературы, а А.Н. Донин собирается перейти в ННГУ. В этом случае можно сказать, что я обеспечил докторами наук не только свою кафедру, но и кафедру русского языка и литературы НГЛУ, куда перешла вместе с филологами Г.Л. Гуменная, а также исторический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В ближайшей перспективе надеюсь получить ещё две ставки старших научных сотрудников для М.П. Самойловой и Д.А. Скопина, которые, я уверен, также станут докторами наук. В целях дальнейшего развития классического образования в нашем университете я получил право вести двухгодичные факультативы по древним языкам и античной культуре (латинский и древнегреческий), по новогреческому языку, истории и культуре современной Греции, а также по Всеобщей истории искусства.

За время работы в НГЛУ по моей инициативе и при активном участии были лицензированы и развиваются три специальности «Журналистика», «История и теория изобразительного искусства» и «Культурология». Специальность «Журналистика» функционирует на дневном, вечернем и заочном отделениях НГЛУ. Всего у нас обучается по этой специальности более 200 студентов. При этом в отличие от ННГУ, где также есть эта специальность, наши студенты-журналисты специализируются по проблемам международной журналистики, овладевают двумя и более иностранными языками и могут получить второй диплом о высшем образовании с квалификацией «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации по специальности «Журналистика». Эту специальность курирует доцент кафедры Е.В.

Курбакова, недавно защитившая докторскую диссертацию. Журналисты издают учебную газету «Лингвист» под редакцией доцента кафедры В.Н. Романовой, там печатают свои материалы студенты, начиная с 1 курса. Уже в течение нескольких лет работает студенческое радио «Радио-лингва». Редактором является доцент кафедры А.А. Якименко.

Специальность «История и теория изобразительного искусства» функционирует только на вечернем отделении. По этой специальности, где обучается более 40 студентов, уже было два выпуска. Курирует эту специальность член Союза художников России, в прошлом директор Нижегородского художественного музея, специалист высокого уровня по русскому искусству XIX – XX вв., В.Н. Кривова. Преподавание основных дисциплин обеспечивают преподаватели высокого класса искусствоведы кандидат педагогических наук, член Союза художников России Н.В. Квач, преподаватели Н.В. Свирина, Т.В. Зуйкова, А.В. Творогова, С.С. Акимов и другие. Ректорат университета выделил помещение для изостудии, где под руководством известных нижегородских художников П.К. Рыбакова и Т.В. Быковой, преподавателей Нижегородского художественного училища, студенты изучают рисунок и живопись, и делают свои первые шаги в этой области искусства.

Кафедра тесно сотрудничает с музеем истории университета, который был создан В.К. Романовой, ныне, к сожалению, покойной. В.К. Романова – выпускница нашего университета, участница Великой Отечественной войны, преподавала в университете и до последнего времени возглавляла музей. Виктория Константиновна была человеком очень коммуникабельным, она пользовалась большим авторитетом. Вокруг неё всегда собирались студенты и преподаватели. Она была организатором так называемых «Салонов», где собирались представители городской интеллигенции, студенты, преподаватели не только нашего вуза. Различные проблемы обсуждались на этих «салонах», но главная тема,

которая волновала В.К. Романову – это сохранение исторического облика нашего города, его памятников.

Дело В.К. Романовой в течение некоторого времени продолжала ее дочь Т.И. Рыбакова. В настоящее время музей переоборудован, расширился, приобрёл современный вид. Большое внимание музею сегодня уделяет О.Н. Сеньюткина, по совместительству являющаяся научным руководителем музея, и директор – выпускник кафедры музеологии исторического факультета ННГУ им. Н.И.Лобачевского А.Н. Луканов.

Кафедра сотрудничает также с Российским культурным центром, созданным в своё время М.А. Горелик, в настоящее время возглавляющей Совет ветеранов университета. Традиции, начало которым положила М.А. Горелик, продолжила Е.В. Тихомирова – организатор и художественный руководитель молодежного народного ансамбля «Синий лен». Кафедра совместно с Российским культурным центром при активной поддержке П.К. Рыбакова и Т.В. Быковой проводит выставки нижегородских художников в специально оборудованной выставочной галерее. Кафедра гордится тем, что в её дружном и прекрасном коллективе работает доцент, заслуженный деятель искусств, художественный руководитель и дирижёр студенческого академического хора НГЛУ, лауреата многих зарубежных и отечественных конкурсов В.И. Сладченко.

С 1961г. наш университет, тогда Горьковский государственный пединститут иностранных языков, стал носить почетное имя Н.А. Добролюбова. С этого времени установились тесные дружественные и научно-практические отношения с Нижегородским литературно-мемориальным музеем Н.А. Добролюбова. С середины 70-х гг. стали издаваться сборники научных трудов, посвященные исследованию Н.А. Добролюбова и его окружения. До 2003 года было выпущено 27 выпусков сборников. Возрождение ежегодных тематических конференций,

посвященных памяти Н.А. Добролюбова, началось с момента установления дружественных и научных связей кафедры культурологии, истории и древних языков с руководством музея Н.А. Добролюбова и, прежде всего, с заместителем директора музея по науке Г.А. Дмитриевской и нынешним директором музея Л.Ю. Моториной. Эти конференции отличаются от предшествующих более широкой географией участников, в том числе представителей из зарубежных государств. Разнообразной стала и тематика докладов, что позволило в программах конференций создавать секции: музееведения и краеведения, философии, культурологии, русской и зарубежной литературы, истории отечественной и всеобщей, античной истории и культуры, теории изобразительного искусства.

Мне иногда кажется, что идеи, направленные на внедрение классического образования в средней и высшей школе, Господь открыл Владыке Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Георгию. И пока я без особого успеха пытался реализовать свои мысли в светских школах, Владыка Георгий открыл уже 10 православных гимназий в городе и области, из которых несколько, приближаются к статусу классических.

И, наконец, в 2007 году произошло событие, которое я не могу не назвать чудом. По инициативе бывшего в то время полномочного представителя президента в ПФО А.В. Коновалова, ныне Министра юстиции РФ, и при поддержке Владыки Георгия и ректора НГЛУ Г.П. Рябова при кафедре культурологии, истории и древних языков открылся Славяно-Греко-Латинский Кабинет (СГЛК) ПФО РФ. Кабинет призван осуществлять повышение квалификации учителей православных классических гимназий по церковно-славянскому, латинскому, греческому, русскому и иностранным языкам, а также по отечественной истории и русской литературе. Руководителем Кабинета стал бывший ректор, ныне президент НГЛУ Г.П. Рябов, я являюсь заместителем Г.П. Рябова и организатором работы Кабинета. У истоков создания Кабинета

стали доцент Е.В. Соболева, Т.Д. Маркова, М.П. Самойлова, Д.А. Скопин, а также директор Ресурсного центра истории и древним языкам Е.Ю. Борисова и библиотечарь – лаборант И.Г. Мещанинова.

За три года функционирования СГЛК ПФО РФ были изданы два выпуска Альманаха, ставшего печатным органом Кабинета. Содержание Альманаха состоит из трех составных частей. Прежде всего, в нём отражаются проблемы педагогического менеджмента, а также вопросы методики и практики преподавания в православных гимназиях дисциплин классического цикла. Следующей частью содержания Альманаха является публикация научных статей и материалов, составляющих сущность классической филологии в широком смысле слова, т.е. как она понималась в науке до начала XX в. Поэтому в Альманахе публикуются статьи по проблемам языка, литературы, истории, философии, культурологии и права. В третьей части публикуются рецензии, переводы и образцы творчества: стихи, проза и прочее.

В 2010 г. СГЛК выиграл конкурс, объявленный Фондом Преподобного Серафима Саровского, и получил грант. Средства пойдут на организацию и проведение занятий по курсам повышения квалификации учителей православных классических гимназий ПФО РФ, проведение семинаров и консультаций. В перспективе планируется создание сайта СГЛК ПФО РФ, а также проведение научно-практических конференций, конкурсов гимназистов по языкам, литературе и истории.

Главная цель, которую я вижу в развитии классического образования в православных гимназиях, заключается в том, чтобы выпускники их отличались высоким уровнем нравственности, чувством сознательного понимания важности служения отечеству в различных сферах жизни общества, также обладали хорошими знаниями и умением их самостоятельно применять и совершенствовать там, где им придется трудиться или продолжать дальнейшую учебу. Православные

классические гимназии должны составить здоровую конкуренцию средней светской школе. Такие гимназии должны открываться по всей стране, и тогда эта конкуренция или соревнование помогут вывести современную систему среднего образования, а затем и высшего, из того состояния кризиса, в котором они сейчас находятся.

Завершая свою автобиографическую исповедь, хочу сказать и о своей семье. Выдающийся древнегреческий философ Аристотель считал семью важнейшим институтом общества, основой государства. Семья должна быть самостоятельной социально-экономической ячейкой общества. Это возможно только тогда, когда в обществе существует законодательно защищенная частная собственность и господствует приоритет частного права над публичным. Поэтому в исторической России до 1917г. не только сельская, но и городская семья была такой ячейкой, и в российских семьях было до 3-5 детей. После захвата власти большевиками и установления коммунистической диктатуры частная собственность была отменена, в стране повсеместно установилось господство государственного публичного права, семья утратила свою естественную роль социально-экономической ячейки общества.

Но по традиции до конца 50-х гг. в стране ещё были семьи, где растили и воспитывали до трёх детей. Правда, нужно иметь в виду фактор войны. В 1945-1946 гг. в семьи вернулись выжившие в войне мужчины от 25 до 45 лет. Поэтому на 50-е гг. пришелся период роста рождаемости. Но затем в силу ухудшающихся материальных и социальных условий жизни рождаемость стала сокращаться, и число детей в семьях стало уменьшаться. Поэтому моя семья в количественном отношении оказалась меньше, чем семья моих родителей. Они вырастили троих детей. Как я уже упоминал, у меня есть еще младшие родные брат и сестра. Мы же со Светой вырастили только одну дочь Оксану. Мы с женой очень довольны и счастливы, что Оксана успешно окончила школу № 13 (теперь

гимназию), затем химический факультет ННГУ, куда она поступила под влиянием советов мамы - фармацевта по профессии в университет на химический факультет, после окончания которого она несколько лет проработала в школе. Сейчас она работает в НИРО, защитила кандидатскую диссертацию и продолжает работать над докторской диссертацией. Она стала активной верующей и в православном духе воспитывает дочь Ксению, нашу внучку. Таким образом мы со Сетланой Яковлевной можем гордиться, что воспитали прекрасную дочь.

Когда мы жили в общежитии и Оксаночка была еще маленькой, она часто сидела у меня на руках, а я писал о своих спартанцах. Она любила наблюдать, как из-под пера бегут по бумаге буквы и в детстве все время повторяла запомнившееся ей слово «лакедемоняне». Я ей подсказал и тему кандидатской диссертации. Занимаясь проблемами классического образования и желая, чтобы Оксана как педагог воплотила их в жизнь, я предложил ей заняться исследованием творчества немецкого педагога, психолога и философа Гербарта, идеи которого легли в основу классической системы образования в XIX в. Оксана выбрала нелегкий путь женщины, занимающейся наукой в нашей стране. Она вышла замуж. У нее двое детей, наших внуков: Денис уже студент IV курса, успешно учится в нашем лингвистическом университете, изучает языки и готовится стать экономистом. Внучка Ксюша – школьница, учится в шестом классе. Теперь и Оксана Владимировна убеждается, что семьи как самостоятельной социально-экономической ячейки по-прежнему нет в нашей стране. Без помощи родителей она не смогла бы успешно заниматься наукой и воспитывать двоих детей.

Наконец, подошла очередь рассказать и о том значении, которое имеет в моей судьбе Светлана Яковлевна Томашевская, ставшая моей женой. Как я уже говорил, мы познакомились вскоре после окончания школы. До женитьбы мы дружили около 6 лет большей частью заочно, так

как в то время как я учился в Ленинграде, Света окончила фармацевтический техникум в Курске и, став фармацевтом, работала в городе Павлово Горьковской области. Мы стали мужем и женой в 1964г. Свадебный обряд состоялся в Ленинградском дворце бракосочетания. Рождение нашей семьи мы скромно отметили в общежитии, где я тогда жил, в кругу моих студенческих друзей. После этого мы опять расстались. Света уехала в Павлово, а я завершал учебу в университете. И когда затем я сообщил ей, что нам придется ехать на Дальний Восток и работать в Уссурийске, она без колебаний поехала со мной. И с этого времени все тяготы нашей жизни она безропотно переносила. Ей пришлось многим пожертвовать фактически ради моей карьеры. Начав учиться заочно в Ленинградском химико-фармацевтическом институте, она вынуждена была оставить его. Я всегда помню и ценю самоотверженность и преданность Светланы Яковлевны нашей семье, мне, дочери и нашим внукам. Так же как когда-то Сократ сказал: «Если бы у меня не было моей Ксантиппы, я не стал бы философом», я могу утверждать, что, если бы у меня не было моей Светы, я не стал бы историком, доктором исторических наук, профессором. Когда же наша дочь стала заниматься научной деятельностью, Света стала также помогать ей, как она помогала мне. Ей пришлось раньше времени оставить работу в аптеке, где ее очень ценили как очень хорошего и ответственного специалиста. Она стала домохозяйкой и взяла на себя главную ношу: воспитание и обучение внуков, так как сегодняшние гимназии таковыми являются только по названию.

Светлана Яковлевна тщательно хранит очаг семьи нашей и, если я нахожусь где-либо вдали от нее, хочется скорее возвратиться домой. Поэтому драгоценные слова ветхозаветного Библейского текста лучше всего отражают то неизмеримое значение, которое занимает Светлана Яковлевна в моей жизни, в жизни нашей дочери и наших внуков. Вот эти

золотые слова: «Кто найдет добродетельную жену, цена ее выше жемчугов. Уверено в ней сердце мужа. Она воздаст ему добром, а не злом во все дни жизни своей... Она делает ковры и покрывала, виссон и пурпур одежда ее. Уста свои она открывает с мудростью и кроткое наставление на языке ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Муж ее известен. Встают дети и ублажают ее, муж хвалит ее: много было жен добродетельных, но ты превзошла всех их».

Вот я и перелистал страницы моей жизни. В ней было немало радостей и горестей. Но такова жизнь любого человека, который живет не ради получения одних только удовольствий и наслаждений. А выбирает путь подобно Гераклу, отказавшемуся от заманчивых посул некой дамы по имени Гедоне (удовольствие), но сознательно, вступив на трудный путь, указанный другой женщиной по имени Эвдемония, что значит Счастье.

В заключение хочу также сказать, как постепенно менялось моё мировоззрение, и чем это было обусловлено. Я, как и любой человек, родившийся в советской стране, где господствовала коммунистическая идеология, и воинствующий атеизм, в детстве был пионером, в юности комсомольцем и, как я уже писал, некоторое время состоял в КПСС. Пионером я стал сознательно. И до сих пор помню клятву пионера, где есть слова: «Как повяжешь галстук, береги его и т.д.». Помню также, когда за какой-то проступок меня хотели публично наказать и снять галстук, я очень плакал и просил прощения. В комсомол я вступал уже в соответствии со стадным чувством. В пионерском отряде и комсомольской организации я особой активностью не отличался.

Никаких должностей типа председателя пионерского отряда или дружины, комсорга или члена комитета комсомола ни в школе, ни в университете я не исполнял. Запомнилась мне линейка в школе в связи со смертью Сталина. В то время смерть Сталина воспринималась как ужасная утрата, вызывавшая у советских людей страх перед будущим. Эти чувства

взрослых передавались и детям. Но странным мне сегодня кажется, что я этих чувств не испытывал. Поэтому, когда на линейке вся школа – учителя и дети плакали навзрыд – у меня это вызывало удивление и непонимание. Но я рос в семье, где отец был коммунистом, он вступил в партию еще в годы войны. Мама, хотя и ходила иногда в церковь, но меня никогда к религии не привлекала. Тем не менее, в раннем возрасте она меня привела в церковь, где я был крещен и долго помнил своих крестных отца и мать. Отец никогда не высказывал своего отношения к религии: ни положительного, ни отрицательного. О своем отце, моем дедушке Гасоне, который был диаконом, он говорил мало, но иногда, когда в гостях пел, а голос у него был неплохой, он мог вспомнить, что дедушка обладал хорошим для диакона голосом.

В ЛГУ сомнения, и критическое отношение к действительности у меня возникли под влиянием лекций профессоров и чтения античной литературы. И уже к IV курсу я вполне сложился как пассивный и скрытый скептик и антикоммунист. Как и большинство думающих тогда людей я не афишировал свои взгляды. В отношении религии я оставался атеистом. Однако со второго курса, когда я уже более-менее узнал Ленинград, я любил после весенних экзаменов пройтись пешком по Невскому и Староневскому проспекту и гулять в Александро-Невской Лавре.

И вот, через много лет, когда я начал работать в Горьковском пединституте, я был приглашен на работу в семинарию. Не сразу, но много лет спустя, когда стал задумываться, как я попал в Нижегородскую семинарию, я вспоминал свои попытки проникнуть в семинарию в Александро - Невской Лавре и уже объяснение моё не носило рационалистического характера. Я нередко заходил и в храм в Лавре, смотрел и слушал службу. Запах ладана в храме мне нравился. Он успокаивающе действует на сознание и создает в храме особый психологический настрой. Запомнилась мне и женщина, которая, заметив

моё частое появление в храме, заговорила со мной, посоветовала принять участие в обряде елеопомазания, и слова её я запомнил. Она сказала, что в молодости своей она «грех как мёд пила, а придя к Господу, стала совершенно другим человеком». Но тогда меня эта иррациональная сторона жизни не очень затронула. Я руководствовался, прежде всего, чувством любопытства.

Окончив университет, мы с женой уехали на Дальний Восток, потом учеба в аспирантуре, когда я был погружен в свои научные заботы, меня настраивала больше на рационалистические мысли. Тем не менее, когда я снова оказался в Ленинграде, я вспомнил о своих посещениях Лавры и снова стал туда приходить. Иногда я заходил и в другие храмы города. И вот, уже работая в пединституте, занимаясь проблемами классического образования, я стал задумываться о некоторых событиях в моей жизни. Искал я объяснения, например, тому, каким образом в моей ранней юности встретилась мне прекрасная женщина, специалист – библиотечкарь, которая помогла пробудить во мне интерес к истории. И этой наукой я стал заниматься всю жизнь. Я стал задумываться и над тем, кто спас меня от того рокового шага, сделав который, чтобы вкрутить последний изолятор, я мог бы упереться головой в электрические провода, и жизнь моя оборвалась бы навсегда. Мой напарник крикнул мне, и я увидел грань, отделявшую меня от смертельной опасности. Но был ли он моим настоящим спасителем?

Думал я и над тем, каким образом получилось так, что я избрал для жизни и работы г. Горький/Н.Новгород, ведь были и другие города, куда я мог переехать из Уссурийска. Конечно, меня пригласил В.М. Марченко, так как на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета ГГУ им. Н.И. Лобачевского появилась вакансия. Но ведь и задолго до этого Свету, мою будущую жену, после окончания Курского фармацевтического техникума распределили в Павлово Горьковской

области, и я к ней приезжал в гости. И вот, уже приехав в Горький из Уссурийска и поселившись недалеко от будущей Советской площади, мы со Светой, прогуливаясь, наткнулись на улицу, которая называлась Уссурийской. И, когда я был приглашен работать в Нижегородскую Духовную семинарию, которая располагается в Благовещенском монастыре, я окончательно понял, что вся моя, да и не только моя жизнь – это путь, предначертанный Господом.

И уж совсем я в этом убедился, когда начал работать в Нижегородском государственном лингвистическом университете. Г.П. Рябова, тогдашнего ректора, нынешнего президента нашего университета, я не знал, но слышал о нем. Он оказался человеком высокой культуры и гуманистических убеждений, т.е. человеком, близким мне по духу. Он также, как и я, тяготеет к православной вере. Поэтому неслучайно А.В. Коновалов, тогдашний Полномочный представитель президента в ПФО РФ и Владыка Георгий, Архиепископ Нижегородский и Арзамасский, предложили Г.П. Рябову открыть при кафедре культурологи, истории и древних языков Славяно-Греко-Латинский Кабинет ПФО РФ. И, наконец, последнее, что меня особенно растрогало – это то, что я, родившись в городе Черкассы на Украине, прожив большую часть своей жизни, оказался в вузе, ректором которого был человек, не только соответствовавший моим духовным настроениям и принявший их, но и родом из Черкасс. Г.П. Рябов родился в городе Черкассы Самарской области.

* * *

* *

Перед Вами автобиографическая исповедь. Жанр исповеди подразумевает эмоциональность, некоторый субъективизм и предельную искренность.

Это мое отношение к людям, с которыми столкнула меня судьба, и моё отношение к жизни.